

Вугар Асланов

ДИВИЗИОН

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 904

Асланов В.

А 904 Дивизион. – СПб.: Алетейя, 2011. – 212 с.

ISBN 978-5-91419-581-3

В романе автор попытался дать социально-психологическую оценку явлению, называемому «дедовщиной», имеющему свои корни еще в Советской Армии. Герой романа бьется между своими понятиями о человечности и гуманизме и жестокими реалиями службы в удаленной ракетной части посреди пустынь Средней Азии. Помочь ближнему или подчинить его – герой романа пытается найти ответ на этот вопрос и размышляет над многими сторонами жизни вместе с философствующим автором. Другой герой романа, попав в Афганистан, сталкивается с совершенно другими реалиями: он становится участником жестокой войны и попадает в плен. Автор попытался не только дать как можно более реалистическую картину происходящего с молодыми людьми в армии, но также осмыслить это.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91419-581-3

© В. Асланов, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

ОПОЗДАВШАЯ КОЛОННА

Армия... Что же это было? Зачем же два лучших года своей жизни нужно было отбывать далеко от дома при строгом соблюдении принудительного режима? Герой нашего повествования, очень часто слышал от своих старших родственников, соседей и знакомых армейские рассказы. Если кто-то уходил в армию, объявляли на этот день проводы, куда кроме близких должны были придти все знавшие его люди. Наш герой очень внимательно слушал «армейские истории» бывалых солдат, которые приходили на проводы будущих бойцов и вспоминали свои «героические» дни. Как правило, все они рассказывали о своих подвигах, и еще о том, как часто им удавалось перехитрить «ненавистных и подлых офицеров». Кто-то, например, рассказывал, как он сражался один против чуть ли не десятерых, которым все равно не удалось победить его. К такому разговору присоединялись другие «непобедимые», правда, не все рассказывали о десятерых, а чаще говорили о троих или четверых. А кто-то вспоминал свои любовные приключения, в основном, сексуальные связи с женами офицеров. Любовные истории рассказывали с большим упоением, говоря, что этим они также мстили офицерам, мучивших их за время службы. Эти шумные собрания повторялись, когда человек, отбывший службу в армии, возвращался обратно. Главное отличие проводов в армию солдат от таких собраний заключалось в том, что если в первом случае виновник торжества больше слушал рассказы, советы и наставления прошедших военную службу, то во втором случае он старался говорить больше сам. Возможно, из-за того, что он считал свои воспоминания о «подвигах», «славных боях» без поражений и «любовных похождениях» более свежими. Вернувшиеся из армии не сразу снимали с себя военную форму и ходили в ней несколько дней — а кое-кто чуть ли не месяц. Теперь и они присоединялись на проводах к тем, кто рассказывал о «прелестях» армейской жизни и давал советы молодым. Эти советы заключались в основном в том, что не надо бояться при прибытии в часть других солдат, которые уже отслужили какой-то срок, и ни в коем случае не подчиняться им. Слушать нужно только офицеров и выполнять только их приказы.

Вот и пришел день, когда состоялись проводы в армию нашего героя. Поначалу ничто не предвещало такого поворота в его жизненной судьбе, поскольку он сумел поступить в университет. Не успел он проучиться год, как его известили о том, что должен все равно идти служить. Он старался в день проводов держаться спокойно и даже пил не так много как другие. «Доброжелателям» обещал, что будет вести себя так же, как они: ни перед кем не отступает, будет вести бой до победного конца.

В жаркий летний день будущий солдат в составе воинской колонны из десяти человек, возглавляемой веснушчатым рыжим сержантом, отправился в далекий путь, в еще более жаркую местность, куда они ехали двое суток. Все они являлись

студентами, вынужденными прервать свою учебу из-за призыва в армию. Когда их призвали в армию, это было неожиданностью для всех, поскольку последний раз студентов, призывали в армию только во время большой войны, которую называли Великой Отечественной. Говорили, что теперь это делается из-за афганской войны. Положение советских войск в Афганистане стало весьма тяжелым. Открыто никто ничего подобного не заявлял, люди сами догадывались об этом, ведь все больше и больше приходило солдатских «похоронок» из Афганистана. Все переживали, говорили, что если бы не американцы и их поддержка «душманов»¹, то война давно бы закончилась, и перестали бы погибать там наши дети.

Вначале, чтобы переплыть море, они сели на паром, так называлось здесь большое и широкое судно, предназначенное для перевозки людей и разного рода грузов на другой берег моря. Они долго плыли по морю, которое то успокаивалось и будто само гладило свою поверхность, то катило высокие волны, с шумом разбивавшиеся о борт парома. К утру колонна прибыла на другой, нужный берег. Через час они сели в поезд, который должен был доставить их в тот город, где они должны были быть переданы своей войсковой части. Время было близко к полудню и въезжая в огромную пустыню, где железные рельсы лежали прямо среди песков, все почувствовали, как внутри вагона стало много жарче, чем было. Некоторые попытались даже пошутить на эту тему, один сержант, видимо знавший, что дальше будет совсем не смешно, сидел спокойно, и с еле заметной ухмылкой смотрел на остальных. Поезд продолжал входить вглубь пустыни, становилось все жарче и жарче. Колонна, прекратив свои поспешные шутки, бросилась к окнам вагона, с надеждой увидеть конец пустыни. Стекла на окнах и стены вагона были раскалены до того, что невозможно было к ним притронуться, а конца пустыни не было видно; кругом только белый песок, который напоминал то самое море, что они переплыли, кое-где были видны верблюды. Новобранцы, изнывая от невыносимой жары, тяжело дыша и обливаясь потом, ждали когда же кончатся эти муки. Наконец пески остались позади.

После того как они выбрались из пустыни, будущие солдаты еще долго ехали, и только на следующий день они прибыли в огромный город, куда были направлены. Здесь тоже было жарко, но после пустыни на это никто внимания не обращал, и сержант скоро привел колонну к огромным железным воротам, на каждой открывающейся части которых была нарисована огромная пятиконечная звезда. Их какое-то время, не впускали вовнутрь, проверяя какие-то документы и бумаги у сержанта. Потом два солдата, подойдя сзади к воротам, медленно открыли их ипустили колонну внутрь. Двор был довольно большой, в нем можно было увидеть множество небольших одноэтажных строений и единственное двухэтажное здание, возле которого находился небольшой бассейн, наполненный водой. В нем плавали многочисленные маленькие, разноцветные рыбки. От ворот прямая дорога вела к другим железным воротам, за которыми находились воен-

¹ Душман – (афганск.) враг

ные грузовики, верхушки которых были видны даже с улицы, за двухэтажным зданием стояло п-образное строение, в котором, как стало известно позже, находились столовая и продовольственные склады. Возле них несколько одноэтажных строений – казармы для солдат.

Войдя внутрь, колонна вправилась в сторону одного из строений. Только оказавшись внутри, все поняли, что их завели в баню. Нужно было постричь волосы, попрощаться с привычной одеждой и переодеться в военную форму. Переодевшись, колонна вышла во двор бани. Сержант объявил всем, что сегодня – был уже вечер – будут отдыхать, а завтра их будет принимать сам командир полка. Они спали прямо в самой бане, постелив на пол короткие, тонкие матрасы в полоску.

Утром их подняли рано. Сержант напомнил о том, что сегодня примет новобранцев сам командир полка, который лично познакомится и будет вести отдельную беседу с каждым из них. Надо было быстро умыться и подготовиться к встрече с командиром. В это утро, построившись в два ряда, они впервые отправились завтракать в солдатскую столовую – вчера после прибытия в полк им пришлось довольствоваться оставшимися продуктами с дороги. Это было большое и просторное помещение, в котором было расставлено много длинных столов. В этот день каждому из них выдали в неглубокой алюминиевой миске кашу из пшена с кусками жареного мяса. Другие солдаты смотрели на них с презрением, иногда кидали в их сторону какие-то не совсем понятные слова, которые, как нетрудно было понять, были из армейского жаргона, и по одному их произношению можно было догадаться об унижительном характере этих слов. Сержант, мирно беря ложкой из миски с этой невкусной кашей, старался успокоить недавно прибывшую колонну, говоря, что не надо обращать внимания на эти слова. Закончив завтрак, они пришли к единственному двухэтажному дому, находящемуся во дворе полка, который, как объяснил новобранцам сержант, являлся штабом полка, где сидели высокопоставленные командиры. Рассадив их на скамейки перед штабом и велел подождать, сержант поднялся на второй этаж и, скоро спустившись к ним, заявил, что нужно будет подниматься наверх по одному, к командиру. Когда пришел черед нашего героя, примерно половина колонны уже побывала наверху. Командир был упитанный мужчина средних лет, пузатый, небольшого роста, с зачесанными назад и совсем не короткими для армейского служащего волосами. Командир поднял голову и, пригласив ближе к себе, подал ему свою широкую, мясистую руку с короткими и толстыми пальцами. «Какие, оказывается, бывают командиры ласковые, – подумал новобранец, – зачем столько ругали офицеров, будто это самые злые и вредные люди на свете». Указав на стул, командир стал спрашивать его о том, чем он занимался до армии, что умеет делать, есть ли у него профессия и какие-нибудь знания. Солдат немного волновался, иногда краснел и даже потел от волнения, ответил на все вопросы командира, сказав, что до армии учился в университете, а как только успел закончить один курс, его призвали в армию. Никакой профессии у него нет, и очень мало умеет делать, зато есть немало знаний, которые